
Улыбайся мне,
Ты – самое красивое, что я знаю.
Единственное из всего,
что мне хотелось бы назвать «своим».
Единственное из всего,
что мне хотелось бы забрать с собой
и никогда не оглядываться
назад.
Словно Лотова жена, застываю соляным
столбом.
В омуте рук, в омуте глаз
Не находя и не напиваясь
Ни взглядом, ни сердцем
В бездонности мира
Твоего.

Как дом с выбитыми стеклами
выломанными дверьми
я.
Слепец у дороги
желто-красного кирпича
в плесени штукатурки...
сейчас ты похож на меня даже больше
отражения в зеркале.
Мы оба копим молчание
и открыты всем ветрам...
в ожидании чуда,
в ожидании человека,
который придет и все поправит, поселившись в нас.
будто он был там всегда.

«Я тебя люблю» –
Я слышу это в ветре.
«Я тебя люблю» –
Я чувствую это в запахе земли.
«Я тебя люблю» –
каждый день доказывает солнце.
«Я тебя люблю» –
мне некому это сказать

Вот и всё.
И каждый останется при своем.
Твои вечера с коньяком,
из колонок – «Coil».
Твои репетиции, девушки, сны
и бессонницы.
Твой телефон.
Гитары, клиенты, Лавкрафт,
И поездки по селам.

Со мной остается десяток зачитанных книг,
Кофе с корицей и недолеченный кашель.
Вещие и потому всегда грустные сны,
черный блокнот, мои улицы
Их персонажи.
Моя нерешимость – сила и слабость моя.
Заначка из «Marlboro» справа на полке.
Мой голос.
Ван Гог, Janis Joplin, «Иллария»
И сердце, разбитое на осколки.

Мммм...мм... качай меня на руках.
Головою в небо.
Запивать листвой августа
Улыбчивую, из самого сердца
Светлую мою печаль.
Молчать.
Говорить или молчать –
Такая ли большая разница
В том, что есть
Сейчас?
В груди как в скобяной лавке-
Гвоздь к гвоздю – сердце к сердцу.
«По инерции» –
Такого больше нет.
Тихая моя Радость.

Калипсо
корабли в песне сирен и кружеве вод
может однажды кто-нибудь
подберет из сине-зеленой
обломки
на берегу
в бронзе кожи
соленой-соленой
Итака
заросший оливами дом
в Борей
этот шепот
так с жертвенников
отпускается дым
к богам и любимым
неузнанному возвратиться
семь тысяч нитей и восемь лет
за взгляд Пенелопы